
Проблема канонической подчинённости православных приходов на оккупированных территориях РСФСР. 1941—1942 гг.

Иван Петров

The problem of canonical subordination of Orthodox parishes in the occupied territories of the RSFSR: 1941—1942

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005138-2

Православные приходы, оказавшиеся в 1941—1942 гг. на оккупированных вермахтом территориях, а также общины вновь открывавшихся с разрешения немцев храмов находились в сложнейшем положении. С одной стороны, они вынуждены были так или иначе взаимодействовать с оккупантами и коллаборационистской администрацией, а с другой — не могли существовать без архиерейского руководства и подчинения каноничным церковным властям. Между тем предстоятели двух ведущих легально существовавших в СССР ветвей православия — сергианской (тихоновской) и обновленческой — чётко сформулировали свою жёсткую антинемецкую позицию, решительно исключавшую какое-либо сотрудничество с врагом. Как митрополит Сергей (Страгородский), так и обновленческие лидеры «митрополит» Виталий (Введенский) и его заместитель Александр Введенский выступили с эмоционально окрашенными патриотическими обращениями. В частности, Введенские напоминали о подвигах Александра Невского, примере князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, о непреклонности патриарха Гермогена, а также Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, предrekli Гитлеру судьбу Наполеона¹. В этих условиях подчинение Москве священников в захваченных противником областях становилось практически невозможным. В то же время как всегда резко антисоветски настроенная Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) допущена на оккупированную территорию РСФСР не была. В результате начавшееся там восстановление приходской жизни оказывалось, по сути, в вакууме, из которого приходилось искать выход. При этом в РСФСР, в отличие от других республик, это осложнялось не столько противоречиями между приверженцами разных юрисдикций (чаще всего автокефалистами и автономистами), сколько нехваткой епископата.

Впервые в отечественной историографии проблему канонической принадлежности православных приходов на временно занятых территориях отметила О.Ю. Васильева², охарактеризовавшая курс митрополита, а впоследствии патри-

© 2019 г. И.В. Петров

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00048) в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. Р-9324, оп. 1, д. 5, л. 4.

² Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35—46; Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергея // Наука и религия. 1995. № 5. С. 20—25.

арха Сергия (Страгородского) и попытки советского руководства использовать Русскую Православную Церковь для осуществления своих внешнеполитических планов³. Настоящим прорывом в изучении деятельности православных приходов под оккупацией стало издание ею вместе с И.И. Кудрявцевым и Л.А. Лыковой сборника документов «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны»⁴. М.В. Шкаровский, проработав массив архивных материалов, рассредоточенных в США, Германии, Болгарии, Сербии и многих других странах, уделил особое внимание «церковному возрождению в русских областях прифронтовой полосы»⁵. Однако в основном им исследовались события, происходившие на северо-западе России и связанные с феноменом Псковской православной миссии. Специфика приходской жизни в других захваченных нацистами регионах освещалась им лишь частично. К тому же свою главную задачу исследователь видел не в анализе местной структуры управления приходами и оценке каноничности их принадлежности к той или иной церковной юрисдикции, а в обобщении статистических данных об открытых храмах и в выявлении всей сложности взаимоотношений между разными германскими инстанциями, участвовавшими в решении «православного вопроса». Наиболее подробно и весьма взвешенно деятельность Псковской миссии описана учеником О.Ю. Васильевой К.П. Обозным⁶. Положение смоленского духовенства в период Великой Отечественной войны раскрыто в монографии иеромонаха, а ныне — епископа Петергофского и ректора Санкт-Петербургской духовной академии Серафима (Амельченкова), изучившего материалы семи центральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЭ) и смоленских архивов⁷. Им кратко очерчено и формирование структур управления приходами Смоленщины в начальный период оккупации, однако каноничность их перехода в юрисдикцию Белорусской Православной Церкви фактически не рассматривается.

А.И. Перелыгин, опираясь на документы архивов Брянской и Орловской областей, ограничился лишь самым общим описанием приходской жизни Орловщины в 1941—1943 гг., включив её в общий контекст церковно-государственных отношений в 1917—1953 гг., но не упоминая о канонической принадлежности местных приходов⁸. Фрагментарно отражена в историографии и ситуация функционирования приходской системы в оккупации на Юге России⁹.

³ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М., 2001.

⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009.

⁵ Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 355—399.

⁶ Обозный К.П. История Псковской Православной миссии. 1941—1944 гг. М., 2008; Обозный К.П. Народное образование, Псковская миссия и церковная школа в условиях немецкой оккупации // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 176—204.

⁷ Амельченков В.Л. Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск, 2012.

⁸ Перелыгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае. (1917—1953 гг.). Орёл, 2008.

⁹ Линец С.И., Сомова И.Ю. Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2009. Исключение составляет статья ставропольского священника Евгения Шишкина, основанная на недоступных широкому кругу исследователей архивах Московской патриархии: Шишкин Е.Н., *свщ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 — феврале 1943 гг. // Вестник ПСТГУ. 2014. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 6(61). С. 113—127.

В целом до сих пор историки в большинстве своём оценивали итоги деятельности православного духовенства в период оккупации и чаще всего — в том или ином конкретном регионе, не проводя сравнений и не указывая, как именно происходило восстановление каноничности церковных структур в первый период оккупации — с лета 1941 г. до конца 1942 г., когда собственно и решались «юрисдикционные вопросы».

Первоначально служить в закрытых большевиками и открытых оккупантами церквях приходилось, как правило, тем духовным лицам, которые случайно находились в данной местности, работая по гражданской специальности или отбывая наказание в советской тюрьме. Так, латвийские священники протоиерей Сергей Ефимов, иереи Гордий Ольшевский и Иаков Легкий были освобождены немцами из тюрьмы города Острова под Псковом¹⁰, а уже 14 августа 1941 г. первый из них отслужил литургию во вновь открытом Свято-Покровском храме погоста Елины¹¹ и приступил к освящению храмов в Острове и Пскове. Лишь через несколько дней в Псков прибыли представители экзарха Прибалтики, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), организовавшие Псковскую миссию (официально называвшуюся «Православной миссией в освобождённых областях России»). Подробно изучив её историю, исследователи всё ещё продолжают спорить о том, чем было обусловлено её создание: критическим положением приходской жизни на северо-западе России и стремлением митрополита Сергия (Воскресенского) восстановить её нормальное функционирование при чётком признании канонической власти Московской патриархии¹², или же исключительно волей немецких оккупационных властей¹³. Так или иначе, в первый её состав вошли молодые, высокообразованные латвийские священники, получившие образование в духовных школах Балтии и Франции, а также пастыри, служившие до войны на Псковщине или имевшие большой миссионерский опыт (например, протоиерей Кирилл Зайц)¹⁴. Организация миссии проводилась экзархом Прибалтики в рамках церковной дисциплины и, отправляя в середине августа 1941 г. первых миссионеров, он учитывал их верность Московской патриархии, образовательный уровень, пастырские навыки и внешнюю лояльность к оккупационной администрации. Именно ставка на таких священников позволила миссии открыть в 1941—1944 гг. более трёх сотен храмов.

Однако летом—осенью 1941 г. на северо-запад России желали проникнуть и яростные противники митрополита Сергия (Воскресенского) — эстонские автокефалисты, рассчитывавшие на благосклонность местных коллаборационистов, и, в частности, псковского городского головы В.М. Черепенькина, который направил несколько писем митрополиту Таллиннскому и Эстонскому Александру (Паулусу), выступавшему против ориентации на церковные власти Советского Союза. В годы нацистской оккупации митрополит Александр вышел

¹⁰ *Обозный К.П.* Претерпевший до конца... О жизни и служении пресвитера Гордия Ольшевского // *Православие в Балтии.* 2017. № 6(15). С. 32.

¹¹ *Ефимов С., прот.* Из дневника миссионера. На заре обновления религиозной жизни в освобождённых от большевизма местностях // *Православный христианин.* 1943. № 6—7(1—2). С. 6.

¹² *Обозный К.П.* История Псковской Православной миссии... С. 52—76; *Петров И.В.* Православная Балтия 1939—1953 гг. Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016. С. 156—158.

¹³ Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941—1944 / Сост. С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб., 2016. С. 3—19.

¹⁴ *Latvijas Nacionālais Arhīvs*, f. 7469, a. 2, 192, l. 1.

из подчинения экзарху Прибалтики Сергию (Воскресенскому) и не только стал самостоятельно управлять большинством приходов Эстонии, но и решил распространить своё влияние на прилегающие районы РСФСР. В Псков он отправил протоиерея Николая Раага, хорошо знакомого с положением дел в приходах Печорского района, а также «региона Ингерманландии», как его именовали автокефалисты¹⁵. Однако ни в 1941 г., ни в 1943 г. попытки включить Псков в орбиту влияния Таллина успехом не увенчались¹⁶.

На остальных оккупированных территориях не было столь влиятельных иерархов Московской патриархии как экзарх Сергей (Воскресенский), в результате чего управление перешло в руки или случайных представителей «чёрного» духовенства, или групп священников самых разных юрисдикций. Так, ведущую роль в возрождении церковной жизни Брянска сыграл архимандрит Павел (Мелетьев), много лет нелегально служивший в Брянской, Могилёвской и Смоленской областях¹⁷. Доподлинно неизвестна ни дата его посвящения в архимандриты, ни юрисдикционная принадлежность в довоенный период, однако уже в конце декабря 1941 г. он регистрировал приходы и «давал соответствующие инструкции» священникам оккупированных районов Брянщины, которых к нему направляли местные гражданские власти по распоряжению окружного самоуправления¹⁸.

На Юге России схожим образом действовали епископы-обновленцы. Так, в районе Кавказских Минеральных вод масштабную деятельность развернул бывший обновленческий архиерей, а к моменту начала оккупации директор мясокомбината Николай Автономов. При появлении немцев он объявил себя каноничным епископом и вступил в управление приходами Пятигорска. Служить он стал в единственной действующей церкви города — храме святого праведного Лазаря Четверодневного. Ранее подозревавшийся в сотрудничестве с НКВД «владыка» тут же нашёл общий язык с нацистскими карательными органами и донёс на пятигорского протоиерея Василия Гаккеля, прятавшего в престоле шифровальную машину и укрывавшего от расправы солдат Красной армии¹⁹. После отступления немцев с Кавказа епископ Николай вошёл в юрисдикцию Украинской автономной православной церкви и, вводя в заблуждение местное священноначалие, некоторое время в качестве архиепископа Мозырского, викария Гомельской епархии, осложнял жизнь приходов на территории оккупированной Белоруссии²⁰.

В Смоленске не удалось найти никого, кто мог бы исполнять обязанности правящего архиерея, поэтому в начале оккупации церковными делами ведали местные протоиереи Николай Шиловский (настоятель Успенского кафедрального собора), Пётр Беляев, Павел Смирягин и Тимофей Глебов. Они же выступали с официальными обращениями к пастве²¹. В мае 1942 г. иерархи Бело-

¹⁵ Eesti Ajalooarhiiv, f. 1655, n. 3, s. 430, l. 16.

¹⁶ Шкаровский В.В., Соловьёв И., *свящ.* Церковь против большевизма. М., 2013. С. 85.

¹⁷ Колупаев В.Е. Жизненная история Рославльского епископа Павла (Мелетьева). Смоленск, 2018. С. 96—104.

¹⁸ Государственный архив Брянской области (далее — ГА БО), ф. 2593, оп. 1, д. 256, л. 10.

¹⁹ Бочков П., *свящ.* Жизненный путь Николая Петровича Автономова — обновленческого «архиепископа», «католического митрополита», греко-католического «священника» // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1. С. 3—4.

²⁰ Слесарев А.В. Новооткрытые сведения о миссионерском служении преподобномученика Серафима (Шахмута), архимандрита Жировичского // *Церковно-исторический вестник ХРОНОС*. 2017. № 4. С. 117—118.

²¹ Обращение к православным христианам // *Новый путь*. 1942. № 83. С. 2.

русской Православной Церкви рукоположили архимандрита Стефана (Севбо) во епископа Смоленского и Брянского, однако в Смоленск он смог добраться только в конце декабря²². К тому времени на Смоленщине сформировалась полноценная церковная структура, включавшая епископа, клир и несколько десятков приходов, имевшихся практически во всех районах епархии²³. В мае 1943 г. было образовано епархиальное управление под председательством владыки и учреждены благочиннические округа²⁴. В том же году перешёл в Белорусскую Православную Церковь и архимандрит Павел (Мелетьев), рукоположенный во епископа Рославльского.

Следует отметить, что владыка Стефан не являлся ревностным сторонником белорусской автокефалии. Если верить сообщениям командования группы армий «Центр», глава Смоленско-Брянской епархии выступал за её окормление «карловацким» митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде)²⁵. Находясь в Белоруссии, епископ вынужден был подчиняться местным архиереям, но, оказавшись за её пределами, стал искать пути воссоединения с Московской патриархией через переговоры с экзархом Прибалтики²⁶. Правда, закончить это сближение ему не удалось: немцы покинули Смоленск, и он оказался в Центральной Европе, где перешёл в юрисдикцию РПЦЗ.

Похожая ситуация складывалась на Орловщине, сильно пострадавшей от антирелигиозных репрессий в предвоенное время и попавшей во время войны в ситуацию юрисдикционного вакуума. Ключевой фигурой в организации местного епархиального управления и налаживании приходской жизни здесь стал священник Иоанн Маккавеев. При этом орловские священники поминали за богослужением митрополита Серафима (Ляде). К нему же они обратились, прося направить в Орёл архиерея для замещения вдовствующей церковной кафедрой²⁷. Между тем, по свидетельству британского журналиста А. Верта, священник Иоанн Маккавеев сразу же после освобождения Орла от нацистов говорил ему, что именно немцы требовали помянуть митрополита Серафима, запрещая возносить имя митрополита Сергия (Страгородского), тогда как Маккавеев не упоминал ни того, ни другого. «Однако, — писал Верт, — человек, которому немецкое командование поручило надзирать за церквями, оказался не епископом, как, естественно, многие ожидали, а просто гражданским чиновником по фамилии Константинов, из русских белоэмигрантов. Таким образом, церкви были лишены всякой самостоятельности, и даже резиновые печати каждой из них хранились под замком в столе у Константинова. Это казалось отцу Ивану особенно возмутительным. Его непосредственным начальством был отец Кутепов, служивший в церкви, которая была гораздо больше»²⁸. О подобной «иерархии» управления приходами Орловщины сообщалось и в составленной 26 октября 1942 г. докладной записке заместителя начальника

²² Встреча епископа Стефана с верующими в соборе // Новый путь. 1943. № 2(124). 3 января.

С. 1 об.

²³ Подробнее см.: Амельченков В.Л. Русская Православная Церковь и общество... С. 100—101.

²⁴ Петровский А., свящ. Епархиальное собрание в Смоленске // Новый путь. 1943. № 42(167). 15 июня. С. 2.

²⁵ Шкаровский М.В. Крест и свастика... С. 393.

²⁶ Приказ: архив уничтожить! ... С. 129.

²⁷ Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов. Сборник документов. М., 2003. С. 262—263. В середине ноября 1942 г. Синод РПЦЗ принял решение рассмотреть возможность отправки архиереев в Смоленск и Орёл, а также иные оккупированные нацистами регионы РСФСР (Там же. С. 171).

²⁸ Верт А. Россия в войне 1941—1945 гг. М., 2001. С. 420—421.

Центрального штаба партизанского движения. В ней, в частности, описывалось, как 17 сентября на церковные торжества в Болхов прибыли «епархиальный благочинный протоиерей Кутепов», «старшина епархии г-н Константинов», а также граждане волости и представители вермахта²⁹.

Коллаборационисты инициировали возрождение церковных структур и в других районах РСФСР, часто жёстко вмешиваясь в канонические вопросы. В Краснодаре, где сразу же с приходом немцев о своём желании возглавить епархиальную жизнь заявили и сторонники митрополита Сергия (Страгородского), и обновленцы, размежеванием юрисдикций руководил городской голова С.Н. Ляшевский. 13 сентября 1942 г. противник обновленцев иеромонах Серафим (Смыков) отслужил благодарственный молебен в храме Георгия Победоносца³⁰, который с 1940 г. являлся кафедральным собором обновленцев (вместо закрытой Всехсвятской церкви)³¹. Обновленческая кафедра переместилась во вновь открытый Екатерининский собор. Более того, на оккупированной территории остался обновленческий «архиепископ» Кубанский Владимир (Иванов)³². Однако городского голову явно не устраивало преобладание обновленцев в крае, и он желал, чтобы на освящение собора приехал викарий Ростовской епархии епископ Таганрогский Иосиф (Чернов)³³. Находясь в Азове, тот, как и многие иерархи, случайно попал под оккупацию и приступил к обязанностям управления местными приходами, заняв архиерейский дом в Таганроге (при котором находилась первая открытая в этом городе Крестовоздвиженская церковь)³⁴. Будучи противником обновленцев, владыка никакой помощи им оказывать не стал, рекомендовав сторонникам митрополита Сергия (Страгородского) создать временное епархиальное управление. 20 октября 1942 г. священники Василий Денисов, Василий Литвиненко и Феодор Колесов провели съезд православного духовенства и мирян и образовали временный епархиальный совет³⁵.

В какой-то момент кандидатом на вакантную епископскую кафедру сергиан в Краснодаре стал проживавший на покое обновленческий «архиепископ» Новочеркасский Фотий (Тапиро), пользовавшийся у местных клириков и церковной интеллигенции репутацией богослова и выдающегося проповедника «староцерковной ориентации»³⁶. Однако епископом Кубанским и Краснодарским он стал только в июле, когда принёс покаяние в расколе и был рукоположен митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и архиепископом Варфоломеем (Городцевым). К тому времени немцы давно уже оставили город — 13 февраля в него вошла Красная армия.

Ещё более жёстко действовали крымские коллаборационисты. Когда немцы заняли Крым, проживавший там на покое обновленческий «епископ» Викентий (Никипорчик) пожелал возглавить таврические православные приходы. Однако глава церковного подотдела симферопольской городской управы А.Д. Семёнов, имевший духовное образование, не скрывал неприязни к данно-

²⁹ ГА БО, ф. 1650, оп. 1, д. 71, л. 32 об.

³⁰ Благодарственный молебен // Кубань. 1942. 26 сентября. С. 1.

³¹ *Лавринов В., свящ.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 179.

³² *Шишкин Е.Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа... С. 119.

³³ К прибытию епископа Иосифа // Кубань. 1942. 26 сентября. С. 1.

³⁴ Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королёва. М., 2017. С. 69—71.

³⁵ *Шишкин Е.Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа... С. 119.

³⁶ Из церковной жизни // Кубань. 1943. 21 января. С. 1.

му иерарху, подозревавшемуся до войны в непристойном поведении, интригах и связях с чекистами. Посыпались доносы в СД³⁷. Утверждалось, между прочим, что Викентий тайно выдаёт справки о крещении евреям³⁸. Вскоре иерарх был арестован нацистами и выдворен с полуострова.

Размышляя о восстановлении каноничного управления местными приходами, Семёнов и священник Евгений Ковальский учитывали разные варианты. Можно было обратиться к Румынской Православной Церкви, активно проводившей свою миссию по организации религиозной жизни в Молдавии и Трансильвании. В начале оккупации полуострова военное духовенство румынской армии совершало первые богослужения и открывало храмы³⁹. Но в дальнейшем отношения с румынским духовенством у крымских пастырей не заладились. Территориально ближе всего находились структуры Украинской автономной православной церкви. В 1942 г. волынский священник Николай Кушнерук принял постриг в Милецком монастыре и до конца года являлся настоятелем этой обители. Вместе с тем уже 31 июля над ним совершили архиерейскую хиротонию в Почаевской лавре, и в середине сентября он стал викарным епископом Херсонским и Николаевским, а в декабре — епископом Мелитопольским и Таврическим⁴⁰. Ковальский ездил к нему для переговоров об особенностях религиозной жизни в Крыму и для решения юрисдикционных вопросов. Впоследствии и сам украинский иерарх посещал полуостров с архиерейскими визитами. Но наиболее подходящим для окормления православных приходов Тавриды казался викарий Берлинской епархии РПЦЗ епископ Венский Василий (Павловский), который учился вместе с Семёновым в Казанской духовной семинарии. Однако против назначения епископа-зарубежника выступили нацисты. Любопытно, что под видом журналиста в Симферополь приезжал карловацкий священник Игорь Ткачук, общавшийся, в частности, со священниками Павлом Бобровым, Евгением Ковальским, Митрофаном Василькиоти. Но никаких последствий эти встречи не имели⁴¹.

Таким образом, на разрешение канонических споров в начальный период оккупации влияли наличие в регионе действующего архиерея той или иной юрисдикции, позиция местных гражданских коллаборационистов и их непосредственное участие в возрождении приходов, а также активность церковных фигур и структур, сложившихся за пределами РСФСР — экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), эстонских и белорусских автокефалистов, Украинской автономной православной церкви. Сказывалась и длительность нацистской оккупации. Однако в перипетиях организации управления религиозной жизнью на оккупированных территориях немцы, как правило, не играли ведущей роли и лишь иногда выступали в качестве арбитра в спорах между представителями разных юрисдикций.

³⁷ Архив Главного управления ФСБ РФ по Республике Крым и городу Севастополю, д. 8152, т. 1, л. 38.

³⁸ *Петров И.В.* Между праведным делом спасения евреев и предвоенным отступничеством: к вопросу об особенностях деятельности просоветски настроенного православного духовенства в годы Второй мировой войны на примере епископа Викентия (Никифорчика) // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. М., 2017. С. 192.

³⁹ Государственный архив Республики Крым, ф. 156, оп. 1, д. 25, л. 2.

⁴⁰ *Борщевич В.* Епископ Мелітопольсько-Таврійський Серафим (Кушнерук): повернення із небуття // Юго-Запад Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. 2009. № 7. С. 226.

⁴¹ Архив Главного управления ФСБ РФ по Республике Крым и городу Севастополю, д. 8152, т. 1, л. 31—33, 69—70.